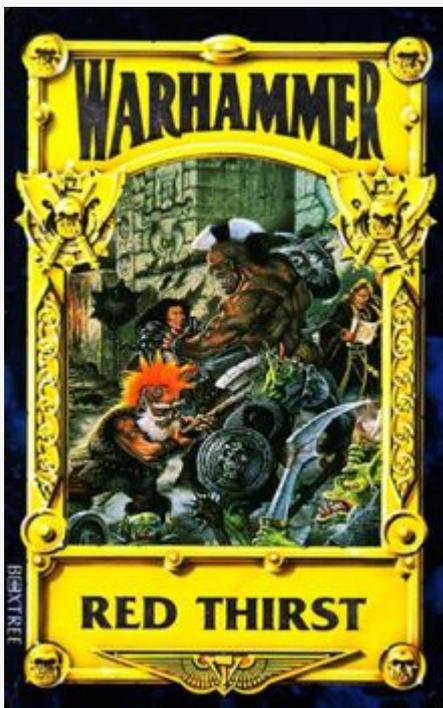

Песня / The Song (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Песня / The Song (рассказ)

Автор	Стив Бакстер / Steve Baxter
Переводчик	трерук
Издательство	GW Books Boxtree Ltd
Входит в сборник	Красная жажда / Red Thirst (сборник) Смех Тёмных богов / Laughter of the Dark Gods (сборник)
Источник	Красная жажда / Red Thirst (сборник)
Год издания	1990
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

- Симпатичное колечко, Сэм. А что там блестит, стекло? Или что подешевле?

Баттермир Уорбл, для друзей - просто Сэм, вздрогнув, поднял глаза. По другую сторону стола уселся

ухмыляющийся коротышка с копной каштановых волос.

- А, это ты, Тарквин. Значит, прибыл твой корабль. Замечательно.

И вслед за первым гостем в таверну набилась целая толпа полуросликов. Джаспер, пузатый бармен «Передника Эсмеральды» проворчал, чтобы они закрыли за собой чёртову дверь. Ветра с Моря когтей добирались даже сюда, глубоко в Мариенбург, в этот тёмный уголок эльфийского квартала.

Полурослики повывдвигали табуреты и принялись рассаживаться вокруг стола, за которым сидел Сэм, и вскоре тот оказался в самом центре очень тесной кучки своих собратьев.

- Да, что же вы, присоединяйтесь, - процедил Сэм.

При его работе полезно было иметь контакты во всех слоях населения, но и хорошего бывает слишком много...

- Ой, Сэм, неужели ты не рад нас видеть?

Тощий пострел по имени Максимилиан откопал в карманах своего шерстяного плаща засаленную колоду карт и стал тасовать.

- Да, конечно, а то я уже начал уставать от тишины и покоя.

Тарквин сел напротив Сэма.

- Так что за история с кольцом?

Вышеупомянутое украшение представляло собой толстую полоску из золота, на которой поблёскивали осколки хрустала. Ещё один молодой моряк наклонился, чтобы рассмотреть получше.

- Наверное, в этом году битое стекло - последний писк моды.

Сэм накрыл кольцо ладонью.

- Это личное.

Тарквин делано покачал головой.

- Да ладно, - сказал он. - Мы только прибыли. Расскажи, пока не перепились.

- Говорю же, это личное.

- Насколько личное?

- На кружку эля.

Максимилиан рассмеялся.

- Ай, ну и ладно. - Он шлёпнул картами о неровную столешницу. - Трёхкарточный пегас. Лучше сыграть, пока трезвый...

Но Сэм отодвинул сданные ему карты.

- Извините, парни, я пас.

Тарквин ошарашенно подался назад.

- Да ты шутишь. Сэм «»^[1] отказывается играть?

- А что такое? - не поверил Максимилиан. - Средства закончились? Клиенты перевелись?

- Нет. - Сэм покачал головой. - Завязал я с пегасом, вот что такое.

- Почему?

- Ну, в общем, это связано с кольцом. Но вообще - из-за того, что произошло во время последней игры.

Весь круг лиц был обращён только к нему.

- Давай, Сэм, расскажи.

Тот многозначительно посмотрел на кружку.

Тарквин взял её.

- Да не может быть! И про пегас тоже личное, да? Ладно, твоя взяла, Сэм. Будет тебе эль. Но смотри, чтобы твоя история стоила того...

Сэм подался вперёд и театрально скрестил руки на груди.

- Хорошо. Картина такая, - начал он. - Сижу я в «Переднике», в этом самом баре. Может, даже за этим столом. Точно не припомню. - Несмотря на шутливый тон, лицо полурослика на мгновение сделалось угрюмым. - Я... У меня был тяжёлый день, и я пропустил кружку другую...

- Расскажи что-нибудь новенькое.

- Я играл в пегаса. И проигрывал. Я даже не мог закрыть банк. Но в ^[2] нас осталось только двое. - Он сделал паузу.

- Ну?

- И у меня было тройка драконов.

По столу пробежал дружный вздох. А Сэм продолжил.

Моего оппонента звали Эладриэль. Эльф с золотистой прядью в серебряных волосах. Пусть его колени и упирались в наш полуросликовый стол, держался он изысканно, ни дать ни взять вылитый лорд. В «Передник» его занесло явно случайно. - Джаспер недовольно заворчал. - Я помню глаза: чёрные, как у ворона, взгляд пронизывал меня, а я сидел и не знал, что делать.

- Ну что, Сэм, - сказал Эладриэль. - Пасуешь?

Я глотнул из своей кружки и попытался подумать логически. Тройку драконов может перебить только тройка единорогов; это все знают. Но я уже и так много проиграл.

- Нет, - сказал я. - Не пасую.

- Тогда закрывай банк.

- Ты же видишь, я не могу, - горько ответил я.

Эладриэль ощерился.

- Закрывай или сбрасывай карты.

Я уставился на своих трёх драконов.

- Я сыграю в долг. Напишу долговую расписку.

Эладриэль провёл тонким пальцем по краю своих карт.

- Ну, хватит, - лукаво произнёс он. - Расписки в таком месте? Брось. Быть может, у тебя найдётся что-нибудь ценное при себе?

Мне и искать не нужно было.

- Ничего.

Эльф жалостливо покачал головой.

- У каждого есть что-то, неважно, как низко он пал.

- Спасибо большое.

Я впился в эти чёрные глаза.

- Пасуй или закрывай, - рявкнул тогда он.

- Скажи, - глухо произнёс я. - Назови ставку, которую примешь.

Он понизил голос.

- Ты серьезно?

- Назови.

- Твой ум, - выпалил он. - Самое твоё естество. Твой последний актив. Поставь свой разум, друг мой.

Ещё один игрок вынырнул ко мне из темноты и ухватил за руку.

- Не надо, Сэм. Пасуй.

- Я слышал о тебе, Уорбл, - прошипел Эладриэль. - Ты... Сыщик, так ведь? Притом отменный. Твой ум хорош... для полурослика...

От выпивки и усталости я ещё больше разозлился - теперь-то понятно, именно так эльф и задумывал - и я решил преподать ему урок. Угольно-чёрные глаза сверкали. Три дракона плясали передо мной.

- Играю, - заявил я.

- Сэм, это безумие...

- Я играю. И хочу посмотреть, что у тебя в руке.

Эладриэль улыбнулся и положил карты на стол.

Вы уже поняли, что там было.

- Я знаю парочку боевых заклинаний, - быстро сказал эльф и вытащил из куртки бутылочку с узкой «талией». - Я, видишь ли, старый солдат. Больно не будет, Сэм.

Он повёл пальцами у моего лица, один раз, другой...

Я уставился на трёх ухмыляющихся единорогов, потом всё померкло.

Было тепло, но я весь оцепенел. Как будто слишком долго пролежал в ванне. Но голова работала, значит, я был жив.

Или нет? Может быть, я уже умер? Я попробовал открыть глаза и увидел жирное лицо, оттопыренные уши и гигантское пузо. Надо мной склонился Джаспер.

- Должен сказать, пока что загробная жизнь немного разочаровывает. - Голос был сиплый, во рту пересохло, но всё работало исправно.

Джаспер выпрямился и с отвращением рявкнул:

- Что ж, восемь дней кряду не притупили твой язык.

- Сколько?

Я попытался встать. Спина и зад одеревенели, я их почти не чувствовал. Я лежал на жёстких мешках, кажется, где-то в погребе «Передника».

Джаспер принялся таскать ящики по холодному мощённому полу. Я видел его как-то странно размыто, будто смотрел через лёгкую дымку.

- Казалось, что ты уснул. Но я ухаживал за тобой и кормил, - угрюмо добавил он.

Я, покачиваясь, поднялся; в ногах покалывало.

- Спасибо, Джаспер, но, поля и луга Мота, что ж ты меня хоть немного не двигал? Никогда не слышал о пролежнях? Видишь ли, кровь не циркулирует...

- Повезло, что ты вообще можешь опускать остроты - после той идиотской ставки. Забыл? - проворчал бармен.

Потирая затылок, я кивнул.

- Но, Джаспер, у меня была тройка драконов. Как ещё я мог поступить?

- Не рисковать жизнью. Я уже не чаял, что ты очнёшься.

Я немного помозговал.

- Честно говоря, я тоже. С теми, у кого забирают разум, обычно так и бывает, верно?

Джаспер закинул на свои широкие плечи по бочке.

- Кстати, к тебе заходили.

- Что? Кто?

- Ты ещё спал тогда. Сказал, что посланец от эльфийского лорда. Иди к большому дому в северном конце Лотарнской улицы. Найдёшь кое-что ценное. Это всё, что он сказал.

- Какой ещё лорд? Какую ценность? Что?

- Что да что. Пока ты спал, ты мне больше нравился... Ты же сыщик, что-нибудь сообразишь. - Джаспер потащился по лестнице наверх. Не оборачиваясь он добавил: - На кухне есть еда. И твой партнёр любезно оставил колоду карт. Я положил её тебе в карман.

- Благодарю. А... Джаспер. - Я побрёл за ним. - За мной должок.

Бармен хрюкнул.

- Просто оставь деньги за еду.

- Лотарнская улица, ага...

Я выбрался из погреба в раннее утро. На улицах Мариенбурга лежал густой туман, переливавшийся от солнечных лучей. Вдыхая полной грудью, я направился на север, по эльфийскому кварталу.

Ну, вы знаете Лотарнскую улицу. Постепенно взбираетесь на север, а в конце открывается отличный вид на город, раскинувшийся по островкам в устье Рейка. Тем утром Хогбургский мост казался уходящей в небеса дугой, я видел паруса кислевитского фрегата, выступающие из тумана возле опор моста...

Да, ладно, Тарквин, дальше по делу. Я к тому, что это было то самое, исполненное радости к жизни утро: такое, когда ты весь дрожишь, и кровь бурлит так сильно, будто стоишь вниз головой...

За исключением только, что ничего этого я не чувствовал. Я вообще ничего не чувствовал.

Для меня краски города были тусклы, словно я находился в выцветшей картине. Я старался расслышать туманные колокола на том судне, но мне в уши как будто напихали ваты.

Чуть раньше я прошёл мимо уличного торговца, смуглого толстого тильянца, который продавал жареное мясо на шпажках, и не почувствовал запаха. Я купил кусок, и на вкус он был, как бумага.

Видите ли, мне не было дурно - помимо тех дней, что я провалялся без сознания. Я чувствовал себя потерянным. Как будто не доставало части меня.

И впервые мне стало страшно. В конце концов, мой разум, то, что делало меня мной, отняли у меня, а затем вернули назад.

Или нет? Что если я больше не был цельным? Как узнать? И зачем это вообще кому-то могло понадобиться?

Видимо, у того таинственного эльфийского лорда мог быть ответ. Однако я не был уверен, что мне понравится то, что услышу.

В северном конце улицы особняком стоял дом. Он был окружён стеной в рост человека; по верху тянулся

ряд острых железных шипов. Миленько, подумал я.

Толстые деревянные ворота были открыты; я вошёл в мощёный булыжником двор. Сам дом сидел, будто громадная жаба, в центре двора и являл собой унылую каменную коробку с узкими прорезями окон.

Дверь была из цельного куска потрёпанного непогодой дерева с медным молоточком в виде головы бойцового пса. Когда я поднимал её, казалось, что она вот-вот меня укусит.

Со скрипом отворилась дверь, и из темноты выпрыгнуло лицо, похожее на оплавленную маску.

Я отшатнулся. Не смог сдержаться. По одной стороне лица от макушки до самого низа шёл шрам, похожий на полосу ткани. На груди с той же стороны кожа была смята и сморщена, как раздавленное яйцо, вместо одной из рук была культия.

Безобразный лик расплылся в полуулыбке.

Я едва выдавил: – Меня зовут...

– Сс-сэммм. – Его губы почти не смыкались, и на изуродованный подбородок брызгала слюна. – Я знаю. Он жж-ждал тебя.

– Кто?

Но существо лишь немного повернулось и здоровой рукой помахало, чтобы я прошёл. Дверь была едва открыта, и мне пришлось протискиваться внутрь; я коснулся покалеченной руки, и та оказалась холодна, словно протухшее мясо. Я думал, меня вырвет. Старый калека заухмылялся ещё шире.

Дом был отстроен вокруг одного большого помещения. Сквозь узкие окна словно бы случайно сочился свет.

Бутылочка была там. Размером с мой кулак, узкая средняя часть, она просто стояла там, на столе в центре комнаты с каменным полом.

Да, Тарквин, там была не только она. Вернее сказать, там было чертовски много всяческих ценностей. К этому мы ещё вернёмся. Но лично для меня, видишь ли, эта бутылочка сверкала, словно лежащий в грязи бриллиант. Я подошёл к столу и уставился на неё, как заворожённый, боялся прикоснуться...

– Руки прочь!

Голос был болезненно знаком. Из теней в дальнем углу комнаты появилась высокая фигура. Я с трудом отвернулся от бутылки и заметил изящное, немолодое лицо и золотистую прядь в серебряных волосах.

– Эладриэль, – произнёс я. – Картёжник. Ну, конечно. Значит, ты действительно лорд...

Слова давались с трудом. Мои глаза снова обратились к бутылочке, я почувствовал, как рука сама потянулась к сосуду, он тянул её словно магнит...

Возле моей шеи раздалось рычание, до меня донеслось смрадное дыхание, похожее на запах прокисшего молока.

– Алома, сидеть! – рявкнул Эладриэль.

Да, Тарквин, он сказал «Алома», девчачье имя. Я тоже удивился.

- А ты, - добавил он, - руки по швам.

Я так и сделал. Мерзкое дыхание отодвинулось. Эльф расслабился и подошёл ближе.

- Не бойся её, - с улыбкой сказал он. - Пока ведёшь себя смирно.

- Алома? Он это - «она»? В смысле... Э-э-э, вы шутите?

- Ни капли. Мы вместе сражались в дни моей юности. Без неё я и половины бы не добился в тех кампаниях. Может быть, даже не выжил. А с её помощью я добыл достаточно золота, чтобы купить себе входной билет в мариенбургскую судоходную компанию и обустроить себе всё это, - он махнул рукой, - комфортабельный выход в отставку. Славная, добрая Алома.

То существо, которое он назвал Аломой, залилось румянцем. Да, именно покраснело. Выглядело это, как протухший бараний бок. А Эладриэль продолжал:

- Её сила - редкий дар. - Он изящно прикрыл рот и прошептал: - Подозреваю, где-то, в этом коктейле есть немного и огрской крови... Да, дорогая Алома, - добавил он уже громче. - Старовата уже, конечно, но до сих пор двоих за пояс заткнёт... И, на случай, если тебе вздумается выкинуть что-нибудь этакое, своей здоровой рукой он переломит тебе хребет, как сухую ветку.

- Угу. Уже передумал.

- До ранения она была красива.

- Да неужели?

Улыбка Эладриэля дрогнула.

- На самом деле не очень. Но полезна. А теперь, господин игрок, уверен, ты спрашиваешь себя, зачем я пригласил тебя сюда.

С огромным трудом я заставил себя сделать шаг от стола.

- Давай к делу, Эладриэль. Что в бутылке?

- Бутылёк? - с невинным выражением лица спросил он. - Какой бутылёк? Алома, о чём это он?

Женщина закудаhtала, будто забившийся водосток.

- Какк-кой бутсс-ылёк? - невнятно проговорила она.

- О, как смешно! - выпалил я. - Вы такой прекрасный дуэт.

Улыбающийся Эладриэль спокойно кивнул.

- Кажется, ты и так знаешь, что в нём. Чувствуешь? Он манит тебя? Неужели не ощущаешь, что чего-то не хватает?

Алома сдавленно хихикнула. Я приготовился, но страшился того, что он скажет.

- В нём ты, Сэм, - с напускным равнодушием сказал эльф. - То, что осталось. А теперь, слушай внимательно. Пузырёк запечатан. Ещё я наложил на него одно из своих боевых заклятий, ауру неразрушимости. Знаешь, что это означает? Стекло, из которого он изготовлен, невозможно разбить;

оно отразит любой удар. Видишь ли, только мне под силу открыть его, выпустить тебя и снова сделать целым. В любой момент. Если, конечно, захочу.

Потом, ничего не помню.

Очнулся я на полу. Во лбу пульсировала боль, должно быть, падая, зацепил головой стол.

- Стоит лишь пальцем щёлкнуть, - мягко сказал эльф. - Ловко, да?

Я попытался сдержать дрожь в голосе.

- Чего ты хочешь, Эладриэль?

- Могу сказать, чего я не хочу. Например, тратить силы на хранение половинки ума, который, если уж на то пошло, довольно легковесен. Знаешь, давай меняться.

Он повернулся и принялся шагать по комнате, бросая взгляды на драгоценности, груды сваленные возле стен, на полках и низеньких столиках. Он провёл пальцем по раме одной из картин, изображавшей вазу с цветами. Подошёл к бюсту девушки, воздевшей глаза к небу, и погладил ладонью её щёку.

- Все эти безделушки, - сказал он, - работа людей. Я всегда чувствовал, что в ней есть какая-то живость, которой недостаёт эльфийским шедеврам. Нерафинированность, наверное. Я, видишь ли, коллекционер.

- Он кротко кашлянул. - В узких кругах ценителей раннетильянских ременных пряжек меня по-своему уважают. Быть может, ты читал мою монографию...

- О, ну, конечно, - выдавил я. - Холодными вечерами мы с друзьями в «Переднике» только об этом и говорим, о чёртовых тильянских пряжках.

Эладриэль не обратил на моё замечание никакого внимания, только приподнял щегольски выщипанную бровь.

- Нас не так много, знаешь ли, коллекционеров людского искусства. И некоторые, - заговорщицки прошептал он, - несколько перегибают палку.

- Палку?

- В том смысле, что кое-кто, э-э-э... Коллекционирует и самих творцов. Понимаешь? Поэтов, живописцев, танцоров...

Я не верил своим ушам.

- Эльфы торгуют людьми? Эладриэль, в городе всего пять сотен эльфов... И около двадцати тысяч людей. Если они прознают об этом невольничьем рынке, они вас просто перережут в постелях.

Эладриэль был немало удивлён.

- Невольники? Рабы? Какое гадкое слово. За этими чудесными созданиями прекрасно ухаживают, и они вольны заниматься своим любимым делом перед публикой, способной оценить их по достоинству. Чего ещё желать?

Я подумал.

- Свободы? Выбора?

Он не обратил внимания.

- И, конечно же, в этом есть экономический расчёт. Зачем покупать яйца, когда можно получить курицу. Кроме того, люди, которые уже знают об этом, старательно заботятся о том, чтобы не узнали остальные. Деньги эльфов жизненно важны для этого города.

Как я и говорил. Есть одна певица по имени Лора... Очень красивая, наверное. В общем, однажды она появилась на аукционе, и наделала шуму в наших кругах. Даже раз услышать, как она поёт... Но один из игроков сразу же перебил все ставки. Перизель.

Он практически выплюнул это имя.

- Тот самый Перизель? Эльфийский лорд, который владеет островком возле Высокого моста?

- Может, и он, - фыркнул Эладриэль. - Состоятельный, насколько я понимаю.

- Состоятельный? Может быть, такой «состоятельный», который посостоятельней всех ваших лордов вместе взятых?

Эладриэль снова фыркнул и напустил на себя самый безразличный вид.

- В общем, из-за Перизеля больше ни один эльф не услышит пения Лоры.

Я рассмеялся.

- Бьюсь об заклад, тебя это жутко бесит.

- Лора, возможно, самая искусная певица своего поколения, - вздохнул лорд. - Я просто обязан услышать её голос.

- Ох, ну, конечно. Чисто из эстетических соображений. То есть щёлкнуть Перизеля по носу в планы не входит?

- Всего лишь раз, только одну песню. Что же, так жаль, что ты уже уходишь. - Он развёл руками, а эта страхолюдина Алома, хрюкнув, поволочилась к двери. - Ты всё понял?

Я был сбит с толку.

- Что?

- Ба! Ты уяснил, что должен для меня сделать? Устрой так, чтобы я услышал пение Лоры.

У меня в животе всё заledenело, дыхание перехватило.

- Украсть её у Перизеля? У самого влиятельного эльфа в Мариенбурге? Но... Как?

Эльф изящно изобразил удивление.

- Почему ты меня об этом спрашиваешь? Это же ты у нас такой находчивый сыщик. Твоя и проблема. Держи. - И он сунул мне ещё один пузырьрёк, точь в точь такой же, как тот, в котором находилась часть меня. - На этом тоже защитные чары, может быть, пригодится.

Я внимательно оглядел его.

- Полагаю, нет смысла просить обычные тридцать крон в день, плюс расходы...

И меня опять вырубило.

Очнулся снова на полу.

– ... Впрочем, учитывая обстоятельства, я буду счастлив отказаться от платы, – сказал я, вставая на ноги и укладывая пузырёк в карман. – Алома, дорогая, не стоит беспокоиться, я сам найду выход. И, кстати, попробуй тени для век, это придаёт загадочности...

Попасть к Периэлю было непросто, ведь он один из самых успешных торговцев, бывший владыка морей. И этот эльф достаточно богат, чтобы не позволять никому лезть в свою личную жизнь.

Трудность первая заключалась в том, что он живёт даже не в эльфийском квартале. Так что я накинул помятую старую куртку, надел красную шерстяную шляпу и отправился по бедным людским районам Мариенбурга, пробираясь к устью Рейка.

Путешествие было не из приятных. Никто не любит незнакомцев, даже полуросликов. Так что я шагал по зловонным улицам, сгорбившись и не поднимая головы, снося подозрительные взгляды здешних обитателей.

Трудность вторая: Периэль живёт на одном из каменистых островков в устье Рейка, и он не любит незваных гостей. Его остров не самый большой кусок камня на реке, но он целиком принадлежит Периэлю, с него открывается превосходный вид на море, и к нему нет мостов. Можно подумать, что в «городе мостов», как называют наш Мариенбург, такого не может быть, однако это так.

Мне нужна была лодка.

В западном конце ^[3], на островке Риддра, я нашёл крохотную, забытую всеми богами таверну. На стенах были ржавые рыболовные крючки и пятна сырости; столы – липкие от грязи, в эле – полно песка. Никогда бы не подумал, что буду скучать по «Переднику», но то место было ещё хуже.

Шучу, Джаспер, шучу.

За отдельными столиками сидели трое посетителей. Я выбрал того, что выглядел почище, купил пару кружек этого смоченного элем песка и сел к нему.

Рыбак осторожно оглядел меня – всё не сводил глаз с моей красной шляпы – но постепенно, после нескольких кружек, ворча и не заканчивая предложений, он начал говорить.

Звали его Курт, жилистый такой мужик с копной чёрных волос. На жизнь он зарабатывал чисткой сельди, выловленной в Море когтей, лодка вся покрылась ползучим грибком, улов в этом году был скудный, жена пугалась с сортировщиком трески по имени Норберт.

В общем, ребята, по части говорильни это был просто геморрой.

Но в этот вечер он был обязан вывести лодку в море с приливом, и, после непродолжительных уговоров, согласился принять пассажира и заложить небольшой крюк.

И вот я – сам не понял, как это вышло – грёб по узким проливам Мариенбурга на поскрипывающей лодке Курта. Да-да, грёб – я. Сам рыбак сидел на корме и ковырялся в сети почерневшими ногтями. Начало темнеть, но всё равно было светлее, чем в той таверне в самый полдень. Курт стал пялиться на меня. Я –

на него.

- У тебя есть тайна, - наконец сказал он. - И я знаю, какая.

У меня аж сердце подпрыгнуло.

- Неужели?

- Да.

Он хитро смотрел на меня. А я взвешивал ситуацию: Курт был ненамного выше меня, но гораздо шире, к тому же, спасибо Эладриэлю, я был сам не свой. Если Курт почувствовал это, он без проблем заберёт мой кошель и сбросит тело за борт.

- Что ты собираешься делать по этому поводу? - спросил я, не сводя с него глаз.

К моему удивлению он пожал плечами.

- Ничего. Не волнуйся, я никому не скажу.

- Вот как?

- Да. - Он отвернулся от ветра, сплюнул комок зелёной мокроты и утёр рот тыльной стороной ладони. - Я знаю, зачем ты носишь эту шляпу, - проворчал он через некоторое время.

- Чего? - Я потрогал свою красную шерстяную шляпу.

Рыбак положил руку на голову, ухватил себя за волосы и стянул всю копну с головы. Вечернее солнце тускло блеснуло на гладкой коже.

- Видишь? - Он помахал париком. - Там, под шляпой ты лыс, как коленка, так?

Я энергично закивал и налёг на вёсла.

Остров Периэля представлял собой обломок скалы в пару сотен шагов от края до края. По углам почти отвесных утёсов жались низенькие деревца. На самой высокой точке островка вытянулась по стойке «смирно» простая, но хорошо отстроенная башня.

Мы огибали скалы, пока не добрались до небольшой гавани. На верху каменистого пляжа стоял небольшой, ухоженный лодочный сарай. Людей не было видно.

Курт нахлобучил парик обратно на голову, пришвартовался к молу и, подмигивая и бросая недвусмысленные взгляды на мою шляпу, согласился подождать до рассвета.

Я побрёл вверх по пляжу, песок скрипел под ногами. За сараем в скале была вырублена узкая лестница, я поднялся на сотню шагов к плоской верхушке острова.

Морской ветер продувал плато, и я плотнее запахнул куртку. Последний луч западного солнца выхватил правильные очертания башни, я разглядел дверь. Кажется, она была приоткрыта.

Я постоял, разглядывая её. Вот так просто? Осторожно шагнул вперёд...

И услышал сопение - будто свинья копается в поисках трюфелей; глухой стук шагов по мягкой почве.

Нет, просто не будет, решил я. Встал неподвижно, руки по швам. И вот, из-за башни показалась последняя преграда на пути к личным покоям Перизэля.

Он был раза в четыре выше меня и почти во столько же шире – и это только грудь. Мощные, короткие ноги ухали по земле, с толстого пуза свисала набедренная повязка. Голова была маленькая и похожа на свиную, крохотные глазки с подозрением сверлили меня. Гигант перебрасывал в огромных руках дубину с железными шишаками на конце. Его кожа была цвета навоза, её покрывали капли пота, как у лошади. Гигиена явно не была его сильной стороной, скажу я вам.

Я улыбнулся. Попытался, по крайней мере.

- Как поживаешь?

Существо тихо зашипело.

- Ты огр, не так ли?

- А ты – без приглашения.

Голос напоминал стук камней в деревянном ящике.

- Мне нужно увидеться с лордом Перизэлем, – живо выпалил я.

Огр провёл длинным тонким пальцем по концу дубины.

- Разбить тебе голову, что ли? – прогудел он. – Перед тем, как сбросить в море. – Он смешно пожал плечами. – Зачем грязь разводить?

И он бережно положил оружие на землю, вытянул руки и попёр на меня...

Короче, после того, как я отобрал у огра дубину и вырубил его, я подошёл к открытой двери и...

Как это не верите? Хотите подробностей? Но там всё так скучно... Ох, ладно...

Этот огр был всё ближе, мускулы перекатывались у него под кожей. Я отчаянно пытался сосредоточиться, но мыслям приходилось пробиваться через паутину, которую Эладриэль оставил в моей голове. Помню, тогда я подумал, что всё, козырей в рукаве больше не осталось... Но именно это и натолкнуло меня на одну идею.

С быстротой молнии я выхватил из кармана свою помятую колоду. И крикнул:

- Подожди!

Огр всё надвигался. Его пятки оставляли на земле ямки. Я стал тасовать карты и делать простенькие трюки. Наконец его свинные глазки уставились на цветные картинки у меня в руках. Постепенно он остановился, мощные руки опустились, вселив в меня надежду.

- Перед тем, как ты вполне справедливо сбросишь меня с обрыва, – вкрадчиво произнёс я, по-прежнему мешая карты, – позволь сделать тебе подарок.

Огр посмотрел на меня.

- Спасибо, – сказал он и одной рукой потянулся к картам, а другой – к моему горлу.

- Пстой! - крикнул я, отскочив назад. - Нужно показать тебе, как ими играть.

Ковыряясь пальцем в пупке, размером с мой рот, огр подозрительно посмотрел на меня. А я быстро сдал нам по три карты.

- Давай, расскажу, что за игра. Называется трёхкарточный пегас. Обычно она кончается дракой, так что тебе понравится. Мы берём по три карты. Теперь я смотрю, что у меня в руке... Неплохо. Что же мне поставить? Как насчёт этого... - Я снял шерстяную шляпу и положил между нами.

Огр озадаченно провёл пальцем по картам.

- А ты что поставишь?

Он угрожающе зарычал.

- Ладно-ладно, пусть это будет пробная рука, - быстро вставил я. - Покажи карты... О-о, - радостно воскликнул я, - у меня только старшая карта орёл, а у тебя целая пара драконов! Ты выиграл! Вот, держи. - И я протянул ему шляпу.

Он взял её, нерешительно потыкал пальцем и натянул себе на голову.

- Да, что ж, красная шерсть немного контрастирует с твоей говённо-коричневой цветовой гаммой, - заметил я, - но, какая разница? Ещё разок?

Великан кивнул. Он пошипел над картами и принялся топтать ногами в каком-то подобии танца.

В общем, где-то через полчаса я не только вернул себе шляпу, но и получил в своё распоряжение набедренную повязку, уникальную коллекцию кала гигантской летучей мыши, право взять в жёны первую дочь этого огра... и его дубину.

Мой противник сидел на мокрой земле и печально смотрел на море, перебирая в руках одолженную мною повязку.

- Не переживай. - Мне было почти жалко его. - В картах такое иногда случается.

И, собрав все свои силы, я огрел огра дубиной по затылку.

Всё? Можно уже продолжать основной сюжет?

Как я и говорил... Я подошёл к открытой двери. С замиранием сердца я с ветра шагнул в пахнущую плесенью темноту.

На голых каменных стенах плясали отблески факелов. Я оказался в коридоре, в конце которого маячил свет. Остановился и прислушался, дал глазам привыкнуть к полумраку. Затем услышал звуки плывущей по коридору песни:

«...В серебряной шкатулке,

Детский смех не запретить,

И не связать тесьмой из злата.

В прекрасной клетке птичьей трели

Останется лишь умереть,

Как тает снег, что пойман был рукой когда-то...»

Девичий голос. Я застыл на месте. Как мне описать его?.. Что ж, стоит попробовать. Скажу одно: хоть я уже и находился тогда, как в тумане, эта песня о пленённой красоте заставила меня заплакать.

Моргая от слёз, я осторожно двинулся по коридору. В конце я остановился и, скрываясь в тени, принялся разглядывать центральную комнату.

Посередине, на устланном коврами полу стоял столик с полупустым винным кувшином, стеклянным кубком и остатками доброго ужина.

А в массивном кожаном кресле развалился сам лорд Перизель. Он был выше Эладриэля, волосы, пожалуй, не такие густые, однако разодет куда как роскошнее; с плеч ниспадал плащ из мягкой кожи. Он слушал пение с закрытыми глазами, ладони были сложены перед лицом в молитвенном жесте. Кажется, я заметил, как возле его века блеснула слеза, и я зауважал его чуть больше.

Перед эльфом покорно стояла девушка, я силился разглядеть её из своего укромного уголка. Тем временем она вновь добралась до припева.

«...Детский смех не запереть...»

И я, страшась не столько того, что меня обнаружит Перизель, но, как ни странно, - показаться перед этой красотой, шагнул вперёд.

Она была человеком, но сложена почти по-эльфийски. Волосы цвета тёмной ночи удерживала серебряная заколка. Платье из чистейшего белого шёлка. Руки во время пения девушка вытягивала перед собой.

Лик её был печален... Она здесь - узница, подумал я. А ведь ей, должно быть, нет и семнадцати. Красота её была внутренняя, почти невесомая, мне вдруг захотелось приласкать её.

Вот песнь достигла наивысшей точки, и голос её взлетел.

«Как тает снег, что пойман был рукой когда-то...»

Она взяла такую высокую ноту, что я, кажется, и не слышал её вовсе, лишь какой-то необычный перезвон, и...

...И кубок разлетелся на тысячи осколков. Перизель изумлённо раскрыл глаза.

Я быстро отступил назад. Лорд-торговец перебирал разлетевшиеся по столу кусочки.

- Лора, - мягко произнёс он, - твой голос - совершенство, он за гранью грёз любого смертного.

Певица склонила голову.

Эльф встал во весь рост и укутался в плащ.

- Что ж, мне нужно удалиться. Завтра снова целый день переговоров с отцами города по поводу торговых соглашений. Ах, если бы я мог больше времени проводить дома, со своими драгоценностями... Самой изысканной из которых является моя Лора. Доброй ночи, прелестница.

И он прошествовал вверх по лестнице, уходящей из дальней части комнаты в темноту. Я услышал, как где-то наверху тихо хлопнула дверь.

Как только хозяин ушёл, эта девушка, Лора, расслабилась. Она присела к столу на табурет и принялась понемногу есть фрукты из блюда, чуть слышно напевая что-то своим роскошным голосом. Её пальцы порхали над яствами, и я заметил, что они унизаны кольцами и перстнями. В этом мрачном месте она смотрелась весьма изящно, предмет искусства, столь же прекрасный, как и любой из коллекции Эладриэля. Я постоял ещё немного, впитывая её красоту, не решаясь даже вздохнуть... И, нет, Максимилиан, тех подробностей, которые тебя интересуют, я не заметил.

Наконец я вышел на свет и приложил палец к губам. Девушка широко раскрыла глаза, отпихнула от себя табурет и попятилась от меня. Виноградины выпали из её рук на ковёр. Она заткнула рот миниатюрным кулачком.

Я жестом призвал её к молчанию. Один вскрик, и мне конец. Пытаясь улыбнуться, я сделал ещё шаг.

- Я не причиню вам вреда, - прошептал я. - Я друг. Пришёл помочь.

Кажется, она немного расслабилась, убрала руку от лица, но глаз с меня не сводила.

Я был так близко от этой красоты, что она ошеломляла меня; кровь в моих жилах пенилась, словно воды бурной реки.

- Кто... Кто вы? - спросила она.

Я вздохнул. Даже речь её обладала такой... Словно нежнейшие звуки лиры...

Ладно, ладно. Перейдём к сути.

- Меня зовут Сэм Уорбл, - представился я и приподнял шляпу.

- Что вам угодно?

- Другой эльфийский лорд, по имени Эладриэль, узнал, что Перизель держит вас здесь. И он прислал меня сюда.

Я уселся на табурет и с улыбкой поведал ей историю о том, как попал на службу к Эладриэлю. Пока я рассказывал, девушка шаг за шагом девушка подходила всё ближе.

- Но это ужасно, - сказала она, когда я закончил, - как Эладриэль мог сделать такое с вашим разумом?

Я пожал плечами, стараясь казаться мужественным.

- Какая разница? Но что действительно важно - это вы, миледи.

- Вы здесь, чтобы освободить меня?

- А вы бы хотели? - с серьёзным видом спросил я. - Перизель дурно с вами обращается?

- О, нет, - ответила она, махнув ухоженной ручкой. - Совсем нет. Он настоящий джентльмен. Прекрасно кормит и одевает меня; у меня есть всё, что только ни пожелаю. Могу даже не пить, если не хочется. - Она прикоснулась к щеке и кротко качнула головкой. - У меня есть всё, кроме свободы.

Я кивнул, и слёзы вновь наполнили мои глаза.

- «Как тает снег, что пойман был рукой когда-то...» Вы пели о себе, не так ли? Вы, Лора - вы эта снежинка.

Она мягко прикрыла глаза.

- Я свободная душа, которая чахнет в неволе.

- Откуда вы?

- Я из небольшой деревушки на краю Рейквальдского леса, в нескольких днях пути от Мариенбурга. Семья у нас была бедная, но честная. Отец разводил свиней.

- Свиней?

- Да. А однажды слуги лорда Периэля прискакали к нам на ферму на своих красивых лошадях, стали махать у отца перед носом мешками с золотом...

Нежные плечики дрогнули, и она тихо заплакала.

Тут, скажу вам, ребята, я сдался.

Я запрыгнул с ногами на табурет и схватил её за плечи; тепло её тела заструилось через мои руки.

- Послушай, Эладриэль не посылал меня освободить тебя, он хочет выкрасть и заточить тебя. Ты просто сменишь одного тюремщика на другого. Но я не дам этому случиться.

Я схватил её за руку и потянул к коридору, к свободе. Но она вырвалась и отступила назад, к центру комнаты.

- Что ты делаешь?

- Пойдём со мной. - Я почувствовал, как щёки вспыхнули от страсти. - Я освобожу тебя от оков Периэля, но и Эладриэлю не отдам. Наймём лошадей и вернём тебя семье... Доверься мне.

Играясь с особенно крупным перстнем, она с сомнением смотрела на меня.

- Вернёшь меня? На свиноферму? На самое дно?

- Там, конечно, грязновато, но это же свобода!

Я ничего не понимал.

Лора провела рукой по экзотическому фрукту, тронула шёлковое платье.

- Свиньи мне никогда не нравились, - задумчиво произнесла она.

- Но ведь ты свободная душа, которая чахнет в неволе, и всё такое.

Теперь я совсем запутался.

- О, да! Я... Просто... - Она захихикала. - Может быть, ты лучше зайдёшь в другой раз? Надеюсь, это не будет жутко неудобно?

Я ушам своим не верил.

- Зайти в другой раз?.. Миледи, я тут не картошкой пришёл торговать. Ты же не думаешь, что я просто обходил всех здешних девиц по порядку? Ты хоть представляешь, через что мне пришлось пройти?

Она нервно засмеялась и пригладила выбившиеся пряди волос.

- Просто, так долго собираться... Ну, ты же знаешь, как бывает.

И я всё понял.

- Ах, да, Лора, кажется, я знаю, как это бывает. - И между нами промелькнуло понимание.

Видите ли, парни, наша певчая пташка уже слишком привыкла к своей комфортабельной клетке. Но кто мы такие чтобы судить?

- Наверное, мне и впрямь лучше зайти в следующий раз.

Она расцвела в улыбке.

- О, да, это будет просто прекрасно. Благодарю тебя за заботу... Но, погоди. - Внезапно в её голосе прозвучала неподдельная забота. - Что будет с тобой?

- Со мной?

- Если ты вернёшься к Эладриэлю с пустыми руками, он пощадит тебя?

- Вопрос. - Здравый смысл с болью вливался мне в голову. - Да ещё какой. Кажется, я в тупике. - И внезапно ко мне пришла идея. - А, может быть, и нет. Послушай...

Я вытащил волшебный бутылёк Эльдариэля.

- Лора, ты не могла бы снова спеть? Кажется, я смогу запереть песню в этом пузырьке; Эладриэль наложил на него заклятье. Надеюсь, этого ему будет достаточно.

Её овальное личико исказило сомнение.

- Ну, конечно, если ты думаешь, что это поможет. Но моё пение не разобьёт стекло? Наверное, ты видел, что произошло с кубком Периэля?

Я почесал затылок.

- Думаю, ты права. Заклятие неразрушимости может защитить от ударов, но не от воздействия песни. - Я завернул пузырёк в шляпу. - Будем надеяться, это уберёжет его. - А затем мне представились все возможности этой ситуации, и лицо моё расплылось в улыбке. - Если сработает, лучше будет просто некуда...

И вот почти шёпотом Лора начала петь для меня.

Слова снова проникали в моё сердце. Я отчаянно вцепился в бутылочку, ведь второго шанса могло и не быть. Снова девушка допела до финальной строчки. *«Как тает снег, что пойман был рукой когда-то...»* Я почувствовал, как бутылочка завибрировала в своём шерстяном коконе.

Но выдержала. Отзвучало последнее эхо, и я хорошенько закупорил пузырёк.

- Благодарю тебя, - произнёс я, утирая слёзы. - Лора... Я никогда не забуду тебя, и...

Послышался шум и тяжёлые шаги на лестнице.

- Лора? Я услышал твой голос. С тобой всё в порядке?

У девушки округлились глаза.

- Это Перизель! - прошипела она. - Мы разбудили его. Тебе нужно уходить.

- Разумеется.

Я приложился губами точно к её ручке и помчался по коридору.

Эладриэль был в ярости. Я стоял в квадратном доме на Лотарнской улице и смиренно сносил его гнев - чувство было такое, будто я находился в самом центре урагана. Рядом со мной, облизывая изуродованную губу и кудахтая, дежурила наша прелестная Алома.

Я пытался сосредоточиться на том, что говорил Эладриэль и найти, за что зацепиться. Но даже в такой момент мне едва удавалось не разглядывать маленькую бутылочку, стоящую на полке позади лорда... Бутылочку, в которой была заключена оставшаяся часть меня.

- Что мне мешает, - завывал Эладриэль буквально в дюйме от моего лица, - разорвать тебя напополам прямо сейчас?

Я набрал в грудь воздух и решил разыграть свою единственную карту.

- Это, - сказал я и протянул то сокровище, что мне удалось унести с острова Перизеля.

Эладриэль выхватил у меня бутылёк.

- И что?

- Я не мог выкрасть девушку, - ответил я, повесив голову. - В конце концов, куда мне, болвану, полукровке, сравниться с пронизательностью таких лордов, как вы и Перизель...

Эльф хмыкнул.

- Ну, это очевидно.

- Однако, - настойчиво продолжил я, - в качестве хоть какого-то утешения я принёс одну песню.

- Одну песню?

- Просто выньте пробку, милорд.

Эладриэль с озадаченным видом последовал моему совету, и по комнате поплыл изумительный голос Лоры.

Я позабыл все печали и попытался насладиться этими последними секундами удовольствия. Что бы ни произошло, этого голоса я больше никогда не услышу. Вытирая слёзы носовым платком, Эладриэль покачал головой. Алома рядом со мной высморкалась себе в руку. Мерзость.

Песня подходила к финалу, голос становился всё выше.

«...что пойман был рукой когда-то...»

И пузырьрёк раскололся в руке у эльфа. Тот от испуга подпрыгнул и стряхнул кусочки стекла на пол.

Я ощутил, как кровь сильнее заструилась по телу, глубоко вздохнул, почувствовал воодушевление. Поскольку – как я и надеялся – раскололось ещё кое-что. Вслед за первой бутылочкой, разрушилось и та, что стояла за спиной Эладриэля. Я снова был самим собой.

Эльф с рычанием повернулся ко мне. Я бухнулся на колени и затараторил:

– Милорд, будьте великодушны. Я сделал всё, что в моих силах. А ведь вы говорили, что даже одной песни Лоры будет достаточно. И я принёс вам её...

Эладриэль возвышался надо мной, тяжело дыша; видно было, что ещё сохранившаяся красота песни боролась в нём с банальной жадностью. Наконец он сделал шаг назад.

– Хорошо, Сэм. Поднимайся. На этот раз прощаю тебя.

Повинуясь какому-то странному импульсу, перед тем, как встать, я тайком сгрёб несколько осколков бутылочки из-под песни и спрятал их в карман.

– По крайней мере, я услышал её пение. А для тебя, я уверен, ещё найдётся работа. – Он повернулся и направился к нише в стене, где хранился мой пузырьрёк. – Но в будущем тебе стоит более ответственно подходить к выполнению заданий, и не забывай, у меня всё ещё...

Эльф осёкся. Он дошёл до полочки и теперь, сбитый с толку, перебирал рукой осколки стекла. Затем развернулся на месте, его лицо было пунцовым.

А я стоял всё там же, стараясь не трястись, и ожидая, что меня вот-вот поразит вновь рождённый гнев Эладриэля. Секунда растянулась в вечность.

Вдруг возле меня раздался отвратительный хрипящий звук. Это смеялась Алома. Мы с Эладриэлем уставились на неё.

– Песс-сня, – прошкворчала она. – Она расс-збила другую бутылс-ку и осс-свободила его. Он провёл тесс-бя, милорд...

И она снова закудаhtала. И, о, чудо, через несколько секунд сам Эладриэль разразился смехом.

– Она права. Ты взял верх. Давай, проваливай.

– Что?

– Выметайся! – проревел он, заливаясь смехом. – Пока я не передумал.

И я вымелся.

– Именно поэтому, – заключил Сэм Уорбл, – я и завязал с азартными играми. Понятно?

И полурослик осушил последнюю кружку эля.

Тарквин почесал подбородок.

- Недурная байка, как по мне. Но что-то не сходится. При чём здесь кольцо?

- Как же, разве непонятно? - Удивился Сэм. - Я забрал осколки бутылочки из-под песни и, как только смог себе позволить, велел вставить их в золото. Маленький такой сувенирчик. - Он любовно погладил колечко.

Тарквин тряхнул головой и встал с места.

- Болтовня это всё. Но история хорошая, Сэм. Слушай, может, пойдём, перекусим в «Адмиральской галере»?

- Не сегодня. Позвольте мне посидеть одному, повспоминать былое.

- Ну, как знаешь. - Тарквин рассмеялся.

Полурослики повставали и стали застёгивать куртки. Максимилиан принялся собирать карты.

- А знаешь, что, Сэм.

- Что?

- Я тебе почти поверил - пока ты не дошёл до огра. Вот этот кусок мне никак не проглотить. Я имею в виду, ну кто будет ставить такую редкую вещь, как коллекцию кала гигантской летучей мыши, на какую-то жалкую пару дракончиков? - Покачав головой, он пошёл вслед за остальными.

Оставшись один, Сэм пожал плечами и несколько минут рассматривал своё колечко. Затем легонько подул на оправленное золотом стекло. Осколки зазвенели на сотни крошечных голосов, и можно было даже расслышать слова: «...что пойман был рукой когда-то... детский смех...».

- Что, Сэм, никто не верит твоим небылицам, а? - К столу подошёл Джаспер, чтобы забрать оставленные кружки.

Полурослик улыбнулся.

- Разгадали они меня, да? Ничего, в следующий раз постараюсь получше. О, Джаспер, послушай, не знаешь никого, кто мог бы заинтересоваться уникальной коллекцией кала гигантской летучей мыши? Цена договорная...

1. **Старшая карта** - если у обоих игроков нет ни одной комбинации (пар, тройки, флеша и т.п.), старшинство руки определяется достоинством старшей карты, например, рука, в которой имеется король, бьёт руку, в которой старшая карта дама
2. **зд. рука** - одна полная раздача, начинающаяся с установки обязательных ставок и заканчивающаяся вскрытием карт и определением победителя, который получает весь банк
3. **Suiddock** - Южный док - от африкаанс suid - юг и англ. dock - док

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Песня_/_The_Song_\(рассказ\)&oldid=9239](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Песня_/_The_Song_(рассказ)&oldid=9239)

Эта страница в последний раз была отредактирована 7 декабря 2019 в 07:49.